

Содержание

Предисловие: аромат свободы	4
Подготовка холста	7
Три «С»	9
Расслабление в действии	12
Действие в гармонии с природой	41
Пять препятствий	49
Стеснительность	51
Перфекционизм	84
Интеллект	91
Верование	101
Игра слов	117
Четыре ключа	123
Снова стать ребенком	125
Будь готов учиться	135
Найди нирвану в обычном	139
Будь мечтателен	148
Четыре вопроса	155
Память и воображение	157
Послеродовая депрессия	181
Творчество и скрещивание	188
Искусство денег	196
Созидание	207
Предельное творчество: смысл жизни	209
Об авторе	221
Ошо-центр медитации и отдыха	222

Предисловие: аромат свободы

Творчество — величайший в существовании бунт. Если хочешь быть творческим, тебе придется избавиться от всей обусловленности; иначе твоё творчество будет не более чем копированием, просто копией под копирку. Ты можешь быть творческим, только если ты — индивидуальность; ты не можешь творить, оставаясь частью психологии толпы. Психология толпы не творческая; она живет тлеющей жизнью, она не знает никакого танца, никакой песни, никакой радости; она механична.

Творец не может следовать проторенному пути. Он должен найти собственный путь, прорубаясь сквозь джунгли жизни. Он должен идти один; он должен вырваться из коллективного ума, из плебейской психологии. Коллективный ум — это самый низко развитый ум в мире, даже так называемые идиоты по своему развитию выше коллективного идиотизма. Но в распоряжении коллективности есть свои взятки: она уважает людей, чтит людей, которые продолжают настаивать на том, что путь коллективного ума — единственно правильный.

По сущей необходимости в прошлом всем творцам: художникам, танцорам, музыкантам, поэтам, скульпторам — приходилось отказываться от респектабельно-

сти. Им приходилось жить некоей богемной жизнью, жизнью бродяг; для них это было единственной возможностью остаться творческими. Этой необходимости не будет в будущем. Если вы меня понимаете, если вы чувствуете, что в моих словах есть правда, в будущем каждый должен жить индивидуально, и тогда отпадет необходимость в богемном образе жизни. Богема — это побочный продукт окостеневшей, ортодоксальной, традиционной, респектабельной жизни.

Мое усилие — в том, чтобы разрушить коллективный ум и сделать каждую индивидуальность свободной быть самим или самой собой. Тогда нет никакой проблемы; тогда ты можешь жить, как хочешь. Фактически, человечество действительно рождается лишь в тот день, когда индивидуальность будет уважаема в своем бунте. Человечество до сих пор еще не родилось, оно все еще в зачаточном состоянии. То, что вы видите и считаете человечеством, — очень обманчивое явление. Пока мы не дадим каждому индивидуальной свободы, абсолютной свободы быть собой, существовать по-своему... И конечно, человек не должен вмешиваться ни в чью жизнь — это часть свободы. Никто не должен вмешиваться в жизнь никого другого.

Но в прошлом каждый совал нос в дела другого — даже в том, что абсолютно лично, что не имеет ничего общего с обществом. Например, ты влюбляешься в какую-то женщину — какое отношение это имеет к обществу? Это чисто личное явление, не принадлежащее рыночной площади. Если два человека соглашаются быть едиными в любви, общество не должно в это вникать. Но общество входит со всеми своими инструментами,

прямо, косвенно. Между влюбленными становится полицейский, между влюбленными становится судья. А если и этого недостаточно, общества создали сверх-полицейского — Бога, который позаботится о тебе.

Идея Бога — это идея любопытного Тома, который не оставляет тебя в покое даже в ванной, который продолжает подглядывать в замочную скважину, наблюдая: что ты там делаешь? Это уродливо! Все религии мира говорят, что Бог постоянно наблюдает за тобой, — это уродливо, что это за Бог? Ему что, нечем заняться, кроме как подглядывать за каждым, преследовать каждого? Кажется, это предельный детектив!

Человечеству нужна новая почва — почва свободы. Богема была реакцией, необходимой реакцией, но если мое видение будет воплощено, не будет никакой богемы, потому что не будет никакого так называемого коллективного ума, пытающегося помыкать людьми. Тогда каждый будет непринужденным с самим собой. Конечно, ты не должен вмешиваться ни в чьи чужие дела — но что касается твоей жизни, ты можешь жить ее по-своему.

Лишь тогда есть творчество. Творчество — это аромат индивидуальной свободы.

Перфекционизм

Я слышал одну прекрасную историю. Жил однажды великий скульптор, живописец, великий художник. Его искусство было так совершенно, что, когда он делал статую человека, трудно было сказать, где человек, а где статуя. Она была такая живая, такая похожая.

Астролог сказал ему, что приближается его смерть, что он скоро умрет. Конечно, он очень испугался и встревожился, и, как каждый человек, он захотел избежать смерти. Он подумал об этом, медитировал и нашел решение. Он сделал статуи самого себя, всего одиннадцать, и когда Смерть постучалась в дверь, и вошел Ангел Смерти, он спрятался среди одиннадцати своих статуй. Он перестал дышать.

Ангел Смерти был озадачен, он не мог поверить своим глазам. Этого никогда не случалось — это выходило из ряда вон! Неслыханно было, чтобы Бог создал двоих похожих людей; он всегда создает уникальное. Он никогда не верил ни в какую рутину, он не похож на конвейер. Он абсолютно против копирки, он создает только оригиналы. Что случилось? Двенадцать человек, абсолютно одинаковых? Кого из них забирать? Взять нужно только одного...

И Ангел Смерти не мог решить. Озадаченный, встревоженный, нервный, он вернулся. Он спросил Бога:

— Что ты сделал? Там двенадцать абсолютно одинаковых людей, а я должен забрать только одного. Кого мне выбрать?

Бог рассмеялся. Он подозвал Ангела Смерти поближе и прошептал ему на ухо формулу, ключ к тому, как отличить реальное от нереального. Он дал ему секретный код и сказал:

— Теперь иди и скажи это в той комнате, где художник прячется среди своих статуй.

И Ангел Смерти спросил:

— Как это поможет?

— Не волнуйся, — сказал он. — Просто пойди и попытайся.

И Ангел Смерти пришел снова, не веря, что это сработает... но если так сказал Бог, так и нужно сделать. Он вошел в комнату, огляделся и сказал, ни к кому в частности не обращаясь:

— Господин, все в полном порядке, кроме одного. Ты сделал очень хорошо, но кое-что упустил. Есть одна ошибка.

Человек совершенно забыл, что прячется. Он выскочил и сказал:

— Какая ошибка?

Смерть рассмеялась.

— Ты попался! — сказала она. — Вот единственная ошибка: ты не можешь забыть самого себя. Пойдем.

Как правило, художник — это самый эгоистичный человек на свете. Но он не истинный художник. Он использовал искусство как средство для опьянения эго. Художники очень эгоистичны, постоянно хвастаются собой, постоянно борются друг с другом. Каждый считает себя первым и последним. Но это не истинное искусство.

Истинное искусство совершенно исчезает. Эти люди только техники; я назову их не художниками, но техниками. Я не назову их творцами, я назову их сочинителями. Да, сочинить стихотворение — это одно, а создать стихотворение — совершенно другое. Чтобы сочинять стихи, человек должен знать язык, грамматику, правила поэтики. Это игра словами. И если ты знаешь всю игру, ты можешь создавать поэзию. Она будет не слишком поэтичной, но выглядеть будет как поэзия. Технически она будет совершенной, но у нее будет только тело — души будет не хватать. Душа случается, только если художник исчезает в своем искусстве — он больше не отделен. Когда художник пишет с таким изобилием, что его больше нет, настолько, что он даже испытывает чувство вины, подписывая свою картину, потому что знает, что не он это сделал... Какая-то неизвестная сила сделала это через него, он знает, что был одержим ею. Это было опытом всех действительно великих художников всех веков: чувство одержимости. Чем более велик художник, тем яснее это чувство.

И те, кто были величайшими — Моцарт, Бетховен, Калидас, Рабиндранат Тагор, — те, кто были величайшими, абсолютно уверены, что были не более чем полым бамбуком, и через них пело существование. Они

были флейтами, но песня была не их. Она протекала по ним, но исходила из какого-то неизвестного источника. Они не препятствовали — вот и все, что они сделали, — но они не создали этого.

Это парадокс. Настоящий творец ничего не создает, существование работает через него. Оно овладевает им, его руками, его существом и создает нечто через него. Он становится инструментом. Это настоящее искусство, в котором исчезает художник, — нет речи об эго. И тогда искусство становится религиозностью. Тогда художник становится мистиком — не только технически правильным, но экзистенциально подлинным.

Чем меньше художника в его работе, тем он совершеннее. Когда художник абсолютно отсутствует, творчество абсолютно совершенно — в этой пропорции, вы должны помнить. Чем более присутствует художник, тем менее совершенным будет его продукт. Если художника слишком много, продукт будет тошнотворным, невротичным. Это будет просто эго — что это еще может быть?

Эго есть невроз. И еще одно нужно помнить: эго всегда хочет быть совершенным. Эго большой перфекционист. Эго всегда хочет быть выше и лучше других; отсюда перфекционизм. Но в эго совершенство никогда не возможно, поэтому само усилие абсурдно. Совершенство возможно, лишь если эго нет — но тогда человек и не думает о совершенстве.

Поэтому настоящий художник никогда не думает о совершенстве. У него нет ни малейшего понятия о совершенстве, он просто позволяет себе сдать, войти в позволение, и происходит все, что бы ни происхо-

дило. Настоящий художник, конечно, думает о тотальности, но никогда не о совершенстве. Он хочет быть в этом тотально, вот и все. Когда он танцует, он хочет исчезнуть в танце. Он не хочет быть в нем, потому что присутствие танцора будет беспокойством для танца. Грация будет побеспокоена, на пути потока встанет преграда. Когда танцора нет, все камни исчезли, и поток очень тих, гладок.

Настоящий художник, конечно, думает о тотальности — как быть тотальным? — но никогда не о совершенстве. И красота в том, что те, кто тотален, совершенны. Те, кто думает о совершенстве, никогда не совершенны, никогда не тотальны. Напротив, чем больше они думают о совершенстве, тем более становятся невротичными. У них есть идеалы. Они всегда сравнивают и никогда не дотягивают до стандарта!

Если у тебя есть идеал, пока этот идеал не осуществится, ты не будешь считать себя совершенным; как ты можешь быть тотальным в своем действии? Если ты думаешь, например, что должен быть таким танцором, как Нижинский, как ты можешь быть тотальным в танце? Ты постоянно смотришь, наблюдаешь за собой, стараешься улучшить, боишься совершить ошибку... ты разделен. Часть тебя танцует, другая часть судит, стоит рядом и осуждает, критикует. Ты разделен, расщеплен.

Нижинский был совершенным, потому что он был тотальным. Когда он танцевал, случалось так, что он совершал в танце такие прыжки... люди не могли поверить своим глазам, даже ученые не могли поверить своим глазам. Он прыгал так, что это противоречило законам гравитации, — этого не могло быть! И, воз-

вращаясь на землю, он падал медленно, как перо... вопреки всем законам гравитации.

Снова и снова его об этом спрашивали. Чем больше его спрашивали, чем более он это осознавал, тем более это исчезало. Пришел момент в его жизни, когда это совершенно прекратилось, и причина была в том, что он стал это осознавать — и потерял тотальность. Тогда он это понял, понял, почему это исчезло. Это происходило, но происходило лишь тогда, когда Нижинский совершенно терялся в танце. В этой полной потере себя, в этом совершенном расслаблении человек действует в совершенно другом мире, согласно другим законам.

Позвольте мне рассказать вам об одном законе, который рано или поздно обязательно обнаружит наука. Я называю его законом грации. Точно как есть закон гравитации... триста лет назад его не знали. Он действовал до того, как его открыли; чтобы действовать, закону не нужно, чтобы о нем знали. Этот закон всегда работал. Он не имел ничего общего с Ньютоном и падающим яблоком. Яблоки падали и до Ньютона! Не было так, что Ньютон открыл закон, и яблоки стали падать. Закон уже был; Ньютон открыл его.

Точно так же есть и другой закон — закон грации, который поднимает вверх. Закон гравитации тянет вещи вниз; закон грации — поднимает вверх. В йоге это называют левитацией. В состоянии абсолютного забвения, абсолютного опьянения — опьянения божественным, — в состоянии полной самоотдачи, отсутствия эго начинает действовать этот закон. Человек поднимается вверх. Он становится невесомым.

Именно это произошло в случае Нижинского. Но ты не можешь заставить это случиться, потому что, если ты есть, этого не случится.

Это подобно камню у тебя на шее. Не чувствовал ли ты это когда-нибудь в жизни? Есть мгновения, когда ты в некотором роде лишен веса. Ты ходишь по земле, но твои ноги не касаются земли — ты паришь над ней. Мгновения радости, мгновения молитвы, мгновения медитации, мгновения празднования, мгновения любви... и ты невесом, ты поднят.

И я говорю, что рано или поздно науке придется это обнаружить, потому что наука верит в определенный принцип: принцип полярных противоположностей. Никакой закон не может быть один, у него должна быть противоположность. Электричество не может действовать только с одним полюсом, положительным или отрицательным; нужны оба. Они взаимодействуют друг друга.

Наука это знает: каждый закон комплементарен другому. У гравитации должен быть противоположный закон, комплементарный. Этот закон, соответственно, я называю законом грации — возможно любое другое название, потому что ученые, если они его обнаружат, не назовут его грацией. Но кажется, это для него самое совершенное имя.